

Светлана АВДАШЕВА

Турция: национальная модель либерализации экономики

Поиски путей либерализации экономик государств, входивших в СССР, еще далеко не завершены. И поскольку они были отнюдь не первыми, избравшими эту дорогу развития, интересным представляется опыт тех стран, чей путь в каких-то моментах совпадал с советским. Анализ этого опыта может дать материал для прогноза дальнейшего развития событий как в России, так и в странах «ближнего зарубежья». Чем ближе знакомство с историей национальной хозяйственной модели, тем вернее можно сделать выбор.

А что можно сказать об уже сделанном выборе? Президенты Кыргызстана и Казахстана А. Акаев и Н. Назарбаев свой выбор сделали: для них путеводной звездой служит Турция, в последнее десятилетие совершившая громадный рывок к процветанию на пути либерализации экономического механизма. Но можно ли проводить параллели между историей Турецкой Республики и бывших республик Союза?

Посмотрим на турецкую историю текущего столетия. Создание Турецкой Республики в начале 20-х годов означало видимый разрыв с социальными, экономическими, политическими традициями: Турция стала светским государством, парламентской республикой, произошел поворот к самостоятельному развитию национального хозяйства, была создана самобытная экономическая модель, в которой ключевую роль стало играть государственное предпринимательство. Не меньший по масштабам разрыв традиции пережили народы, входившие в Российскую империю. Если же обратиться к глобальным историческим параллелям, то Турция, как и Россия, веками балансировала между Западом и Востоком, не будучи ни тем, ни другим. Наконец, последнее десятилетие ознаменовалось успехом в проведении экономической реформы «по рецептам» Международного валютного фонда. Все это немаловажно для определения факторов нынешнего положения Турецкой Республики в мировой экономике и цивилизации.

Опыт либерализации и стабилизации в Турции, как и в любой другой стране, интересен с точки зрения форм взаимодействия хозяйственной и социальной системы, сложившейся в условиях относительной изоляции от мирового хозяйства, с экспансионизмом западной экономической модели. Один из наиболее интересных вопросов: какие

национальные хозяйственные формы обнаруживают способность к выживаемости в новых условиях и какие видоизменения они при этом претерпевают? В более прикладном плане — могут ли какие-то элементы этатистской модели с успехом быть использованы в новой хозяйственной ситуации? Какие отпечатки «этактистское прошлое» накладывает на характер движущейся к рыночному хозяйству экономической и социальной системы?

Турецкая модель «этактизма»

Преобразования 20-х годов имели решающее значение для будущего развития Турции, в том числе создания ее экономической системы. В первые же годы существования республики стало ясно, что хозяйственный прогресс может быть достигнут лишь в случае, если его локомотивом станет государство. К началу 20-х годов в Турции не просто не были развиты традиции частного предпринимательства, но не существовало национального турецкого предпринимательства как такового. Подавляющее большинство купечества в стране составляли греки, армяне, евреи. Отрасли промышленности были поделены между иностранным капиталом, доля которого составляла: 67,5% капиталов в добывающей промышленности (французские компании), 75% капиталов в обрабатывающей промышленности (английские компании), 67,5% капиталов в железнодорожном строительстве (немецкие компании)¹. Капитал, сосредоточенный в национальных банках, составлял около одной пятой капитала банков иностранных. Происходившая в эти годы кемалистская революция вобрала в себя стремление всех слоев общества, в том числе зарождающейся буржуазии, к национальной самостоятельности. Это ярко продемонстрировал первый Измирский экономический конгресс (1924), потребовавший от государства проведения политики, наиболее полно отвечающей интересам развития частного турецкого предпринимательства.

Многие западные экономисты считают 20-е годы периодом «первой попытки либерализации», но это не совсем так. В то время поддержка зарождающегося национального капитала предполагала не либерализацию, способную вновь привести страну к подчинению Западу (что противоречило духу кемалистской революции), а усиление экономического патернализма со стороны государства.

Помимо хозяйственных проблем, ключевая роль государства в создании турецкой экономической системы предопределялась традициями мусульманского общества. Устойчивость социальных и хозяйственных форм делает необходимым условием кардинальных преобразований общества наличие харизмы лидера, который в силу своего авторитета может позволить игнорировать традиционные ценности и утверждать новые. Таким лидером в 20—30-е годы был Мустафа Кемаль Ататюрк, первый президент Турецкой Республики, глава Народно-республиканской партии, чье имя стало символом национальной независимости. Именно с ним связан важнейший выбор модели будущего Турции как парламентской республики и светского государства.

Роль Ататюрка в конституировании новой политической и социальной системы трудно переоценить. Именно под его руководством в стране сложилась экономическая модель, просуществовавшая с некоторыми коррективами до начала 80-х годов. В ней государство играет ключевую роль: в отсутствие значительных частных накоплений оно берет на

¹ См. Розалиев Ю. Н. Экономическая история Турецкой Республики. М., 1980, с. 45.

себя заботу о крупных инвестиционных проектах. Особенностью хозяйства Турции на протяжении почти шестидесяти лет было тесное сотрудничество частного сектора с государственным. Их даже трудно было разграничить и определить долю каждого в национальной экономике. Во всяком случае, доля государственного сектора с конца 20-х и до начала 80-х годов не опускалась ниже отметки 50%, дохода, по различным оценкам, до 75 процентов.

Патернализм турецкого государства по отношению к национальной промышленности выражался в поддержании низкой ставки процента по кредитам (крупнейшие турецкие банки, игравшие на протяжении этого периода главную роль в кредитной системе — Деловой банк, созданный по инициативе Ататюрка, Сумербаик, Этибанк, Народный банк,— были либо полностью, либо частично государственными и во всяком случае испытывали сильное давление правительственной политики). Для поддержки молодой национальной индустрии проводилась линия на жесткий протекционизм во внешнеэкономической политике. Ограничивался приток в Турцию иностранных капиталов (в 30-е годы государство выкупило принадлежавшие иностранцам предприятия на территории страны).

Серьезное внимание уделялось аграрному сектору (эта традиция также была заложена Ататюрком, основывавшим в 20-е годы «образцовые фермерские хозяйства»). Впоследствии практиковались дотационные закупки ряда сельскохозяйственных продуктов. Правительство неоднократно стремилось встать между работодателями и наемными рабочими, занимая патерналистские позиции не только по отношению к предпринимателям, но и по отношению к профсоюзам.

Такая экономическая система в начале 30-х годов получила название «этатизма». Ее роль в экономическом развитии страны сегодня оценивается крайне неоднозначно. С одной стороны, государственное хозяйство несло в себе все присущие ему недостатки: подавление действия объективных рыночных закономерностей, неэффективность производства, невосприимчивость к научно-техническому прогрессу. С другой — трудно себе представить альтернативный вариант развития самостоятельной турецкой экономики, не подчиненной полностью притоку капитала извне.

Неудачные попытки либерализации

Экономическая система этатизма существовала с незначительными изменениями до начала 80-х годов. И хотя турецкое общество и государство неоднократно испытывали потребность в пересмотре экономической модели, в сокращении сферы государственной интервенции, экономическая ситуация всякий раз ставила объективные пределы либерализации экономики. Все попытки через несколько лет завершались попятным движением, «возвратом к принципам Ататюрка».

Первая такая попытка была предпринята в 1950 году, когда Демократическая партия сменила у власти Народно-республиканскую. Использование американской помощи по плану Д. К. Маршалла, в том числе дешевых кредитов, сочеталось с ослаблением протекционизма, либерализацией внешнеэкономического режима. Но последовавшая за этим девальвация турецкой лиры не вызвала значительного расширения экспорта при сокращении возможностей импорта. Внутренние сбережения — основа роста частного сектора — не составляли значительной величины. Приток же иностранных инвестиций оказался значительно ниже предварительных экспертных оценок. В результате резкое падение лиры и

угрожающий рост дефицита торгового баланса привели к свертыванию реформ.

Вторая попытка Турции войти в мировое хозяйство и принять участие в экономическом буме была предпринята в 1970 году. Однако в результате девальвации лиры (традиционного монетаристского мероприятия) желаемый результат достигнут не был. Вновь произошло замедление экономического развития вследствие сокращения государственных инвестиций в экономику, вызванных обострением проблемы платежного баланса. Турецкое правительство вновь вернулось к курсу протекционизма, стремясь для смягчения проблемы торгового и платежного баланса проводить «импортозамещающую» политику развития промышленности.

Семидесятые годы оказались роковыми для стран с нерыночным хозяйственным механизмом, не способных воспринять плоды нового этапа научно-технической революции. Между развитыми западными странами, с одной стороны, и социалистическими и большинством развивающихся стран — с другой, возник и начал увеличиваться разрыв не просто в уровнях и темпах роста, но и в структуре экономики. В этих условиях большинство стран с нерыночным хозяйством предприняли попытку «ускорения» развития за счет увеличения государственных капиталовложений и политики «дешевого кредита» для частного сектора. Подобную политику проводило и турецкое правительство. В результате в 1973—1976 годах темпы роста валового внутреннего продукта (ВВП) выросли с 8 до 16%. Но увеличение производства происходило в значительной степени за счет роста нового строительства и поэтому сопровождалось громадным расширением спроса на кредиты. Немаловажную роль сыграло и то, что масштабные инвестиционные проекты реализовывались преимущественно в государственном секторе, составлявшем 60—70% турецкой индустрии. В итоге если в 1973 году спрос на кредиты только в государственном секторе Турции составлял 2%, то в 1977 году этот показатель вырос до 11%². Неизбежный в таких условиях рост бюджетного дефицита сопровождался усилением инфляции, темпы которой на протяжении второй половины 70-х годов увеличивались непрерывно с 16% в 1975 до 68% в 1979 году³. Исчерпание внутренних источников сбережений привело к сокращению объемов кредитов и постепенному сокращению темпов экономического роста до нулевого уровня. Тупик политики государственного стимулирования экономического роста поставил на повестку дня программу экономической либерализации.

Первые шаги либерализации: 1980—1983

Начало политики экономической стабилизации и либерализации экономики Турции датируется 24 января 1980 года. Приход к власти военных сопровождался четким курсом на создание системы свободной рыночной экономики. В разработке этого курса активное участие принимал будущий президент страны Тургут Озал, в то время — заместитель премьер-министра.

Первый год либерализации был отмечен крайне сложным экономическим положением. Инфляция превысила отметку 107%, валовой национальный продукт (ВНП) сократился более чем на 1%. Турция стояла на грани гиперинфляции в сочетании с падением

² См. Balazs J. Lessons of an attempt at stabilisation. Budapest, 1990, p. 9. .

³ См. Hershlag Z. J. The Contemporary Turkish economy. London, 1988, p. 104.

производства⁴. Было решено обратиться за помощью к международным экономическим организациям. В июне 1980 года Международный валютный фонд принял решение о поддержке политики либерализации турецкой экономики. Условием такой поддержки служила реализация пакета реформ «МВФ-ского типа»: освобождение цен, пересмотр валютного курса, отказ от политики протекционизма, прекращение дефицитного финансирования экономического роста, создание свободного финансового рынка, открытость Турции для иностранного капитала.

Первым шагом в направлении либерализации стала девальвация турецкой лиры — одновременно лишь на 33%. Впоследствии — на протяжении 80-х годов — курс лиры снижался постепенно приблизительно на 10—15% в год⁵. Резкому снижению валютного курса противостояли соображения значительной зависимости экономического роста от притока импортных инвестиционных товаров. Двойной курс турецкой лиры сохранялся не только в первые годы либерализации, он существует и сейчас.

Ослабление государственного контроля над ценами происходило, во-первых, в форме сокращения списка «базовых товаров», цены на которые устанавливаются административно. Во-вторых, было полностью либерализовано ценообразование частного сектора. В-третьих, в практику формирования цен государственного сектора был введен принцип декларации: компании уведомляли Министерство промышленности и технологии о цене на свои товары и, если возражений не следовало, цены считались утвержденными. Начали сокращаться дотационные закупки сельскохозяйственных продуктов. Решительным шагом со стороны правительства было прекращение поставок государственным предприятиям нефтепродуктов по льготным тарифам.

Важной составной частью либерализационных мероприятий начала 80-х годов стало свободное формирование банковского процента. До января 1980 года банковский процент на депозиты был ограничен максимальной ставкой 10% годовых. В 1981 году после освобождения ставки процента он составил около 50%, или 20% без учета инфляции. Этот шаг вызвал увеличение банковских депозитов более чем в 2,5 раза за год, снижение скорости обращения денег и нейтрализацию ажиотажного спроса, что существенно уменьшило потенциал инфляции. Составными частями либерализации банковской сферы были: децентрализация режима хранения и операций с валютными резервами; создание межбанковского денежного рынка; поощрение купли-продажи государственных и частных ценных бумаг. Одновременная либерализация товарного и денежного рынков должна была, помимо других целей, привлечь в банки и производство «теневой капитал», доля которого, по ряду оценок, составляла до 40% всего турецкого капитала⁶.

Между тем результаты первых трех лет либерализации оказались несколько неожиданными для ортодоксальных неолибералов и антиэтатистов как в Турции, так и за ее пределами. Прогнозируемого расцвета мелкого и среднего частного предпринимательства не произошло из-за оттока массы относительно небольших капиталов в банки. Привлечение значительного объема депозитов, в отсутствие прибыльных вариантов инвестирования в Турции, создало основу активного экспорта капитала. Отток капиталов из сферы производства в банки и за рубеж привели к относительному торможению производства. Одновременно укрепились экономические позиции большинства государственных компаний: после

⁴ Ibid.

⁵ См. В а л а з с J. Op. cit, p. 26.

⁶ Ibid, p. 15.

освобождения цен они превратились из убыточных в преуспевающие. Эта тенденция сохранилась и в последующие годы. В 1985 году прибыль на одного занятого в частном секторе турецкого хозяйства составляла 19 млн турецких лир, а в государственном — 2,9 млн турецких лир⁷. В дальнейшем стабилизационная политика турецкого правительства опиралась в значительной степени именно на крупные компании, в том числе государственные.

Процесс либерализации финансового рынка был прерван скандалом с банковскими конторами. В 1981—1982 годах новые самостоятельные кредитные учреждения привлекли в качестве депозитов 50—75 млрд турецких лир благодаря не только высоким процентам, но и поддержке и рекламе со стороны правительства, в том числе лично Т. Озала. Но «масштабная частная инициатива» оказалась аферой, весьма осложнившей процесс создания современного денежного рынка в Турции, так как доверие публики к частным кредитным учреждениям оказалось подорванным. Скандал имел настолько широкий резонанс, что Т. Озал оставил пост заместителя премьер-министра. Правительство было вынуждено взять на себя обязательство компенсировать часть убытков вкладчиков банковских контор. Это привело к росту дефицита консолидированного бюджета в 1983 году до 2,6% ВВП при установке МВФ на 1,5%⁸.

Для предотвращения подобных скандалов в дальнейшем государство прибегло к ужесточению условий формирования и функционирования банковского капитала. Во-первых, была поднята планка минимального размера регистрируемого капитала. Во-вторых, объем кредитов был ограничен 20-кратной величиной уставного капитала, а для отдельного клиента — 10% капитала. В-третьих, в ряде случаев промышленным компаниям было предоставлено право контроля над деятельностью банков. И, наконец, центральный банк установил фиксированную ставку процента по депозитам, индексированную по отношению к инфляции. Последняя мера имела неблагоприятные последствия — в 1983—1984 годах сокращение притока средств населения в банки приобрело характер финансового кризиса, и от фиксированной ставки процента все равно пришлось отказаться.

В первые годы либерализации так и не была решена проблема сбалансированности государственного бюджета. Состояние налоговой системы Турции до 1980 года характеризовалось противоречием высоких налоговых ставок и низких доходов от налогов. В 1981 году произошло дальнейшее увеличение обложения личных доходов, а в 1983 году наблюдалось отчетливое сокращение налоговых поступлений. Состояние же налоговой системы оказывает существенное влияние на развитие экономики Турции: при значительном числе государственных предприятий и связанных с ними статей расходов бюджета доходы от их деятельности составляют лишь 6—10% бюджетных поступлений, в то время как доля налогов и сборов — 80 процентов. Поэтому неудовлетворительное состояние налоговой сферы усугубляло проблемы бюджетного дефицита и инфляции. Тем не менее снижение темпов инфляции произошло, и весьма ощутимое — со 107% в 1980 до 30% в 1983 году⁹. Главной частью антиинфляционной политики были сокращение государственного спроса и снижение бюджетного перераспределения национального дохода с 28% в 1979 до 19% в 1982 году. Прекратилось падение реальной заработной платы в промышленности. Сокращение инфляции удалось

⁷ «Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы». М., 1991, с. 74.

⁸ Там же, с. 188.

⁹ См. Hershlag Z. J. Op. cit., p. 104.

провести одновременно с прекращением падения темпов роста ВВП, хотя и при незначительном его увеличении.

Важным направлением внешнеэкономической политики первых лет либерализации стали поиски новых рынков для турецкого экспорта. Традиционно экспорт был нацелен на европейские рынки, где спрос на турецкие товары был достаточно неэластичным. В начале 80-х годов происходит освоение рынков Востока.

Значительным событием в развитии рыночной экономики стало принятие в 1982 году новой конституции Турецкой Республики, где утверждался принцип неприкосновенности частной собственности, указывалось, что деятельность государственных предприятий не должна разрушать рыночную модель, базирующуюся на частном предпринимательстве. Из конституции было устранено упоминание о «социальном государстве», в качестве модели турецкого развития называлась «смешанная экономика».

От стабилизации к процветанию

С приходом к власти законно избранного правительства во главе с Т. Озалом политика либерализации турецкой экономики вступила в новую фазу: лозунг «смешанной экономики» был отвергнут как половинчатый и провозглашен идеал свободного рыночного развития.

В 1983—1984 годах был принят пакет законов, определивших дальнейший курс реформирования. Важное место принадлежало закону о поощрении сбережений, предусматривающему приватизацию государственных компаний путем акционирования. Он также давал право частным компаниям арендовать государственные предприятия.

Расширение деятельности частного сектора турецкой экономики приобретало специфические формы. Широкое распространение, например, получили так называемые «доходные акции» — выпускаемые государственными компаниями ценные бумаги на предъявителя, открытые для котировки на фондовой бирже, с ограниченным сроком действия. Для стимулирования участия сбережений населения в кредитовании экономики было создано специальное банковско-кредитное учреждение — Фонд общественного акционирования, участвующий в финансировании строительства крупных объектов производственной инфраструктуры (гидроузлов, шоссе, мостов и т. п.).

Приватизация государственных компаний шла постепенно. В 1987 году был принят еще один закон, неофициально называемый «законом о спасении компаний». Он предусматривал частичную приватизацию неплатежеспособных компаний. Если предприятие было не в состоянии вернуть банку кредит, банк становился акционером компании на сумму долга. Когда доля акций банка в капитале компании превышала 15%, он имел право перепродажи акций сверх указанной квоты третьей стороне, если покупатель не принадлежал ни к правлению банка, ни к собственникам его уставного фонда. Так было акционировано значительное число промышленных предприятий.

Еще одна любопытная форма приватизации состоит во взаимной передаче акций семейных компаний в Совет по делам жилищного строительства и общественного акционирования в обмен на некоторую долю акций ГЭО (государственных экономических организаций, объединяющих несколько предприятий).

Между тем в стране все еще сохраняется значительное участие государства в совокупных инвестициях. Это предопределено относительно небольшим масштабом как сбережений населения, так и накопления

предприятий. В такой ситуации роль значительной части сбережений экономики аккумулируется в виде налоговых поступлений. Доля государства в совокупных инвестициях в 1984—1989 годах составляла чуть меньше половины. Предполагается, что в 1990—1994 годах этот показатель сохранится на уровне 1/3. Сокращение доли инвестиционных расходов в государственном бюджете происходило постепенно, но неуклонно, с 25% в 1980 году до 15% в 1989 году. Однако следует заметить, что несмотря на либеральные позиции правительства, снизившийся в начале 80-х годов показатель бюджетного перераспределения национального дохода вновь начал расти, составив в 1987 году 22%, в 1989 — 23%.

Вероятно, можно предположить, что и российская либерализация, даже по прошествии одного-двух десятилетий, не будет отвечать идеалам «laissez-faire». Прежде всего это обусловлено двойственностью стоящих перед экономикой проблем, связанных с наличием не только конъюнктурного, но и тяжелого структурного кризиса. Проблемы отечественного ВПК, диспропорций (как количественных, так и технологических) между отраслями групп «А» и «Б» вряд ли можно решить на путях свободного предпринимательства. В совершенствовании структуры российской экономики большая роль будет принадлежать государственным или государственно-частным инвестициям.

Финансовый рынок Турции остается относительно неразвитым. Из трех его составных частей (банковской системы, рынка капиталов и неорганизованного денежного рынка) доминирующую роль играет первая. Фондовые биржи не имеют того значения, которое присуще им в хозяйственных системах развитых западных стран. Это может быть объяснено по крайней мере двумя обстоятельствами. Во-первых, население предпочитает вкладывать деньги в золото, недвижимость, стабильную иностранную валюту; меньшей популярностью пользуются банковские вклады с высокими индексированными ставками процента. Во-вторых, большинство акционерных фирм составляют собственность ограниченного традиционными связями круга лиц, не заинтересованных в расширении состава акционеров. При вторичном размещении ценных бумаг турецкие акционерные фирмы предпочитают использовать именные привилегированные акции, не дающие права участия в управлении корпорацией. В результате в конце 80-х годов из 600 зарегистрированных акционерных обществ лишь 40 вносили свои акции в котировочные списки фондовой биржи. В целом эмиссия акций и облигаций частного сектора Турции составляла не более 5% от ВВП. Это весьма незначительная величина по сравнению с более чем 50% в таких странах, как Великобритания или США.

Неразвитость финансового рынка, помимо проблемы аккумуляции сбережений, затрудняет проведение антиинфляционной политики. На протяжении 60-х годов инфляция оставалась для правительства врагом номер один. Т. Озал считал целью правительственной политики сокращение инфляции до 20% годовых, сознавая, что в условиях неустойчивой основы экономического роста за достижение полного равновесия денежного рынка можно заплатить падением производства и углублением структурных диспропорций — основных факторов турецкой инфляции. Эта «программа-максимум» достигнута не была: на протяжении 80-х годов инфляция колебалась в пределах 30—45% в год. Однако сокращение ее темпов вдвое-втрое по сравнению с периодом начала либерализации должно считаться серьезным достижением¹⁰.

¹⁰ Следует заметить, что сравнительно скромные успехи турецкого правительства в области борьбы с инфляцией объясняются не столько неудачами, сколько тем, что антиинфляционная политика периодически отходила на второй план под давлением проблем стагнации темпов экономического развития.

Интересны методы, использовавшиеся для привлечения и связывания сбережений населения. После упомянутого выше скандала с банкирскими конторами и падения доверия к частным коммерческим банкам одним из важных средств привлечения денег населения стали краткосрочные (3—6 месяцев) и высокодоходные казначейские обязательства. Они аккумулировали от 1/4 до 1/3 всех средств денежного рынка Турции. Второй интересной формой привлечения сбережений населения стали упомянутые акции на участие в доходах государственных предприятий также с высокими дивидендами и короткими сроками погашения. Заслуживает интереса деятельность двух крупнейших фондов — Фонда общественного акционирования и Фонда жилищного строительства, реализующего сертификаты на покупку жилья.

Однако государственная политика распространения ценных бумаг имеет и обратную сторону: на протяжении 80-х годов происходило последовательное вытеснение с финансового рынка ценных бумаг частных фирм. Выпуск бумаг государственного сектора составлял в 1982 году 37,8% от общей эмиссии ценных бумаг, но с 1983 года этот показатель начал неуклонно расти, достигнув пика в 1985 году — 96,1%. В последующие годы он несколько снизился, не опустившись тем не менее в 80-е годы ниже отметки 85 процентов¹¹.

Тем не менее, несмотря на сложности и определенные нежелательные последствия экспансии государства на рынке ценных бумаг, данная мера в 80-е годы выступала как самая результативная в борьбе с инфляцией. Это объяснялось как недостаточно высокими темпами приватизации, так и отголоском скандала «банкирских контор». Больше доверие населения к государственным ценным бумагам может быть также объяснено полустолетней практикой «этатизма». Вероятно, приблизительно аналогичная ситуация ждет и российский рынок ценных бумаг. Опыт действий правительства Турции нам целесообразно было бы использовать при разработке мер антиинфляционной политики.

До сих пор речь шла о традиционных мероприятиях монетаристского типа с небольшим «неокейнсианским» оттенком. Но, пожалуй, центральным пунктом экономической политики Т. Озала, которому многие западные эксперты приписывают главную роль в успехе либерализационных реформ, стало резкое усиление экспортной ориентации турецкой промышленности. В условиях пересмотра таможенного режима, снижения курса турецкой лиры удержать экономику от гиперинфляции и обеспечить финансовую базу стабилизации можно было лишь при условии притока в страну валютных ресурсов. Кроме того, экспортная ориентация стала средством антимонопольной политики: в ситуации монополизированной структуры национальной экономики конкуренция на мировом рынке должна была стимулировать эффективное реформирование турецких фирм.

Объективной предпосылкой упора на развитие экспорта служили и служат относительно низкие цены факторов производства (как и в большинстве развивающихся стран). Однако до либерализации 80-х годов сравнительные преимущества Турции нейтрализовались завышенным курсом турецкой лиры. Поэтому сам пересмотр валютного курса — одно из первых либерализационных мероприятий — послужил основой увеличения прибыльности экспортных операций и привлекательности этой сферы деятельности для частного бизнеса.

В условиях нехватки средств и кризиса государственного бюджета правительственное «Решение о поощрении экспорта» (январь 1984 года)

¹¹ См. «Турция: новые тенденции экономического развития в 80-е годы», с. 196.

предусматривало для компаний-экспортеров налоговые льготы, льготную ставку кредита (вдвое меньше обычной). Экспортеры получали возможность покупать по льготному курсу валюту для покрытия до 50% сумм, необходимых для закупки за рубежом оборудования, предназначенного для производства экспортной продукции. Крупнейшие экспортные компании (осуществляющие экспорт на сумму не менее 30 млн долларов в год) получали также исключительное право на импорт ряда товаров. В практику вошли экспортные квоты для компаний-монополистов. Для компаний с участием иностранного капитала устанавливались обязательные экспортные квоты (например в производстве грузовиков квота составляла 25%, автобусов — 40, пищевых продуктов — 30, мебели — 50, одежды — 50%). Одновременно было принято «Решение о защите курса турецкой валюты», обязывающее всех экспортеров не позднее чем через три месяца после получения выручки перевести в банки Турции 80% валюты. Жесткость этого требования в какой-то степени компенсировалась указанными выше льготами для экспортеров.

Политика экспортной ориентации проводилась и проводится весьма успешно. В течение 80-х годов объем турецкого экспорта вырос в пять раз, произошла прогрессивная перестройка его структуры: доля продукции обрабатывающей промышленности в экспорте выросла с 1/3 до 4/5. Одновременно сократилась более чем вдвое доля в экспорте Турции сырья и топлива.

Более чем пятикратный рост экспорта на протяжении 80-х годов позволил сконцентрировать средства, необходимые для покрытия непрерывно растущего импорта. Темпы роста импорта, несмотря на всю его важность для большинства инвестиционных проектов, существенно отставали от темпов роста экспорта (больше чем в два раза). Такая ситуация абсолютно не характерна для развивающихся стран и составляет одну из важнейших особенностей турецкой либерализационной политики.

Что касается импорта, то турецким правительством используется система импортных лицензий, позволяющая проводить дифференцированную политику по отношению к потенциальным импортерам, а кроме того, сделать импортные лицензии средством стимулирования экспорта. Валютные доходы Турции на протяжении десятилетия ежегодно росли на 12%, а валютные резервы, играющие значительную роль в антиинфляционной политике, — на 19%. Благодаря резкому увеличению экспорта дефицит торгового и платежного баланса Турции на протяжении 80-х годов последовательно снижался. Помимо ярко выраженной экспортной ориентации этому способствовал приток валютных поступлений за счет развития туризма.

Политика, направленная на всемерное стимулирование экспорта, составляет единственно разумную альтернативу «пассивному фритредерству» для тех стран, которые находятся в состоянии перехода от нерыночной к рыночной системе хозяйства при сравнительно низкой эффективности национальной промышленности. По мнению многих кейнсиански ориентированных ученых, именно предлагаемая внешнеэкономическая политика составляет слабое место «МВФ-ских программ»: они исходят из предположения, что падающий курс национальной валюты — достаточное средство стимулирования экспорта¹². При этом подразумевается, что расширение ориентированных на экспорт предприятий произойдет автоматически. Однако в этом утверждении в качестве аксиомы предполагается, что в экономике присутствуют свободные

¹²См. Reddaway W. B. Some reflection by a Keynesian economist on the problem of developing countries. «Keynes and economic development». London, 1985.

капиталы, способные автоматически переместиться в экспортно ориентированные отрасли. Но, как правило, в странах со слабым рыночным механизмом ощущается постоянный недостаток свободных капиталов, который сковывает и развитие экспорта. В итоге либерализация внешнеторгового режима вызывает существенное расширение импорта, что при вялости роста экспорта создает острую проблему платежного баланса и дефицита бюджета.

Такой ситуации Турции удалось избежать. Государство осуществляет целенаправленную политику по привлечению в Турцию иностранного капитала. К концу 80-х по сравнению с предшествующим десятилетием объем иностранных капиталовложений вырос более чем в 12 раз. Государство проводит селективную политику по отношению к инвестициям в различные сферы национальной экономики: преимущественно пользуются вложения в сельское хозяйство и туризм.

Однако наивно было бы думать, что турецкая экономика не испытывает никаких проблем. Одна из главных — недостаточно развитая система создания и передачи передовой технологии. Упор делается на лицензионную технологию в рамках совместных предприятий, собственные исследовательские и внедренческие структуры развиты, по признанию как зарубежных, так и турецких экспертов, совершенно не достаточно. Средства, предоставляемые турецким государством на развитие научно-технического прогресса, составляют около 0,25% ВВП, или в 10 раз меньше, чем в западных странах.

К издержкам либерализации хозяйственного механизма можно отнести и достаточно высокий уровень безработицы, в 80-е годы составлявший 15—17% самодеятельного населения, и стагнацию средней реальной заработной платы в промышленности, и сокращение доходов сельскохозяйственных производителей. В 1995 году планируется вступление Турции в Европейское сообщество. До этого времени стране предстоит решить еще много экономических, социальных, институциональных проблем. Но в любом случае с начала 80-х годов уже пройден большой путь.

Была ли либерализационная политика последовательной?

Признано, что правительству во главе с премьер-министром, а впоследствии президентом, Т. Озалам удалось с наименьшими потерями преодолеть самый сложный начальный период либерализации. Но насколько последовательно проводились им в жизнь принципы монетаризма? Даже поверхностный анализ показывает, что с 1983 года экономическая политика правительства лавировала между Сциллой гиперинфляции и Харибдой падения производства. Устойчивого одновременного равновесия товарного и денежного рынков практически не удалось достичь ни разу.

Приблизительный алгоритм смены вектора экономической политики может быть представлен следующим образом:

— для борьбы с инфляцией и за бездефицитность государственного бюджета проводятся последовательные монетаристские мероприятия, сокращение расходной части бюджета сочетается с увеличением налогов, в том числе косвенных. Центральный банк ослабляет усилия по понижению ставки банковского процента, которая немедленно возрастает;

— реакции на эту политику государственного и частного секторов существенно различаются: государственный сектор склонен свернуть производство и законсервировать мощности, а капиталы частного сектора

(мелкие) вымываются из производства в банки (крупные) или же перемещаются из сфер, связанных с инвестированием, в посреднический бизнес (в частности в экспортно-импортные операции);

— через несколько месяцев начинают сказываться как позитивные, так и негативные последствия монетаристских мероприятий. Инфляция замедляется, но резко сокращаются темпы роста. Характерно, что снижение темпов роста не сопровождается адекватным понижением цен на внутреннем рынке. Значительная часть турецких экономистов, придерживающаяся концепции структурализма в вопросах инфляции, связывает «нетипичность» поведения экономических показателей в турецких условиях с тяжелым структурным кризисом. Он и служит причиной того, что даже при гипотетической нейтрализации инфляции спроса потенциал инфляции издержек затронут не будет;

— экспортная ориентация экономики позволяет уменьшить указанные выше негативные последствия антиинфляционной тактики;

— наступает момент, когда на первый план объективно выходит вопрос восстановления темпов экономического роста. Но предполагаемого ортодоксальной теорией монетаризма автоматического оживления экономической конъюнктуры не происходит. Это объясняется рядом обстоятельств, среди которых выделим следующие: 1) состояние товарного рынка определяется в основном государственными предприятиями, чья стратегия обнаруживает сильную зависимость от политики правительства. Замечено, что реакция государственных корпораций на изменение конъюнктуры принципиально отличается от поведения конкурентных фирм, предусмотренного неоклассической теорией. Они занимают отнюдь не «нейтральное» положение по отношению к смене правительственной тактики. Ожидание изменений в экономической политике (понижения ставки процента и новых льгот) с точки зрения государственных корпораций более оптимально, нежели подстройка под стимулы рыночного механизма. В определенном смысле предприятия с более гибкой политикой проигрывают по сравнению с более инертными; 2) частный сектор Турции не составляет серьезной конкуренции государственным предприятиям: частные капиталы сосредоточены в других отраслях (чуть менее половины — в строительстве, около четверти — в обрабатывающей промышленности); 3) усиление конкурентного режима вследствие расцвета мелкого и среднего предпринимательства происходит не в ожидаемой степени. Относительно небольшие капиталы поглощаются банковской системой (благодаря высокой ставке процента на депозиты). Таков побочный эффект монетаристской стабилизации; 4) наконец, каждое монетаристское «закручивание гаек» ухудшает перспективы не только перевооружения, но и простого обновления оборудования индустрии;

— в результате действия указанных тенденций, негативно влияющих на перспективы роста хозяйства, правительство возвращается к стимулированию экономической активности: центральный банк осуществляет денежную экспансию, ставка процента снижается, происходит оживление темпов роста, но одновременно усиливается инфляция.

На протяжении 80-х годов можно выделить несколько такого рода «циклов» правительственной политики. Рассмотрим, например, период с 1986 по 1990 год. На протяжении первой половины этого временного промежутка — с 1986 до начала 1988 года — турецкая экономика характеризовалась высокими темпами роста. Это обусловливалось как быстрым ростом внутреннего спроса благодаря политике стимулирования, проводимой центральным банком (в период с 1986 по 1988 год денежная

масса росла в среднем на 30% в год), так и падением мировых цен на нефть, благотворно сказавшемся на платежном балансе страны. Но одновременно возрастало напряжение расходной части государственного бюджета, связанное с постоянным ростом спроса государственных предприятий на кредиты. Кроме того, в период роста экономической активности происходило повышение цен на продукцию частного сектора. Позиции государственных предприятий ухудшались. В конце 1987 года было проведено повышение цен на товары государственных предприятий с целью восстановления равновесия на товарном рынке и ликвидации искусственного разрыва в прибыльности государственного и частного бизнеса. Это усилило инфляционные ожидания, привело к росту спроса на кредиты, к увеличению реальной ставки процента (при регулируемой ставке процента банков), к ускорению падения курса турецкой лиры, к формированию разрыва между официальным и теневым курсом лиры. Интенсифицировался процесс замещения турецкой лиры твердой валютой, что угрожало стабильности денежного рынка.

Чтобы предотвратить нарастание дисбаланса на денежном рынке в феврале 1988 года, увеличить привлекательность турецкой лиры и прекратить ее замещение, была поднята учетная ставка центрального банка. Эта мера была вызвана крайней необходимостью — в 1988 году инфляция составила рекордную величину с момента начала политики либерализации — 69%. Однако в результате период экономического роста сменился рецессией. Восстановление прежних темпов роста стало возможно лишь к концу 1989 года благодаря повороту к политике стимулирования спроса: в начале года центральный банк развернул денежную экспансию (предварительно в период низкой деловой активности и небольшого спроса на иностранную валюту увеличив свои валютные резервы).

Период 1989—1991 годов вновь характеризовался устойчивыми темпами экономического роста при одновременном увеличении темпов инфляции до 66,5%. Вновь избранный премьер-министр С. Демирель, находящийся на более радикальных позициях в отношении либерализации по сравнению с Т. Озалам, расценил положение в экономике как катастрофическое. Такую оценку вряд ли можно считать объективной, принимая во внимание, что несмотря на трудности экономической либерализации, за 1982—1989 годы ВВП Турции вырос на 45,3%. Турция может служить одним из примеров «либерализации с минимальными потерями».

* * *

Вероятно, описанные «циклы» экономической политики правительства будут характерны для предстоящих лет российской реформы. Летом 1992 года здесь появились признаки некоторого смягчения жесткой промонетаристской позиции, особенно по отношению к государственным предприятиям (в частности это относится к взаимному зачету долгов как способу решения кризиса неплатежей).

Может ли опыт Турции быть использован в реформировании системы хозяйства бывшего СССР? Вероятно, можно дать положительный ответ на этот вопрос, если учесть близость исторического опыта и экономических систем наших стран. Можно предположить, что экономическая либерализация в России и других государствах бывшего СССР обнаружит определенное сходство с развитием Турции в 80-е годы. Это относится

и к судьбе государственных предприятий, и к темпам и формам приватизации, и к развитию финансового рынка. Следует также обдумать, насколько целесообразно последовательное и безоговорочное следование рекомендациям МВФ. Не стоит ли заранее предусматривать возможные коррективы в тактике либерализации, способствующие приспособлению ее к конкретным условиям России. Заслуживают внимания такие аспекты темы, нашедшие отражение в турецкой либерализационной политике, как государственные мероприятия по аккумулярованию частных сбережений, практика акционирования в зависимости от результатов хозяйствования предприятий, экспортная ориентация, политика импортных лицензий.

В более глобальном плане «либерализационно-стабилизационные» циклы Турции 80-х годов, на мой взгляд, демонстрируют неизбежность внесения корректив в монетаристскую политику, практическую нерезализуемость программы с лозунгом «дойти до дна, чтобы всплыть обновленными». Помимо громадных материальных, экономических и человеческих издержек такой курс несет в себе огромную политическую опасность. Ни одно правительство мира не могло бы удержаться в течение всего периода, достаточного для такого рода «обновления».

Но отсюда вытекают и определенные практические выводы: осознавая неизбежность отхода от жесткой антиинфляционной тактики, целесообразно заранее планировать направления «восстановительной» политики. Это необходимо, чтобы избежать «метаний», когда правительство идет на уступки не тем, кто в них больше всего нуждается, а тем, кто этого громче требует, не учитывая экономических последствий такой политики. В идеале необходимо добиться того, чтобы даже неизбежные отклонения от антиинфляционной тактики в долгосрочном плане работали на антиинфляционную стратегию. И здесь анализ опыта турецкой реформы может нам существенно помочь.